

АЛЕКС СКАЙ

РАЗВОД
С ДРАКОНОМ

ХОЗЯЙКА ДОМА
ПОСЛЕДНЕГО ПЛАМЕНИ

Алекс Скай

**Развод с драконом. Хозяйка
дома последнего пламени**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод с драконом. Хозяйка дома последнего пламени /
А. Скай — «Автор», 2026

В день развода все ждали, что Варвара сломается. Совет Пламени уже вынес решение. Каэль Рейнар, генерал драконов и её муж, отказался от неё публично. Придворные шептались, советники улыбались, а бывшей жене приготовили жалкое отступное — старое северное поместье, которое почти век считали мёртвым. Дом Последнего Пламени. Пустой. Холодный. Забытый. Но стоило Варваре поставить подпись под разводом, как на её ладони вспыхнула золотая искра. Дом, над которым смеялись, проснулся. В его стенах оказались спрятаны дети вычеркнутых драконьих родов, тайные архивы, украденные имена и правда, способная разрушить власть Совета. Теперь Варвара больше не ненужная жена. Она — хозяйка дома, который помнит всё. И если Каэль хочет снова войти в её жизнь, ему придётся прийти не как муж, не как генерал и не как дракон, а как мужчина, готовый признать её равной. А Последнее Пламя выбирает хозяйку только один раз.

Содержание

Глава 1. Развод у трона пламени	5
Глава 2. Хозяйка мёртвого дома	15
Глава 3. Тайные наследники	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алекс Скай

Развод с драконом. Хозяйка дома последнего пламени

Глава 1. Развод у трона пламени

В день своего развода Варвара проснулась от чужого имени.

— Леди Вара Эштер, — произнесла служанка из-за двери. — Совет Пламени ждёт. Ждёт.

Как будто не три дня её держали под стражей в северной башне дворца, не оставили без единого письма, без права выйти в сад, без возможности спросить у собственного мужа, за что именно её ведут на суд. Как будто всё уже было решено давным-давно, а ей оставалась только одна роль — войти в зал, побледнеть, расплакаться и принять чужую волю.

Варвара открыла глаза.

Потолок над ней был высоким, серым, испещрённым тонкими прожилками серебра. Камень казался ледяным даже на вид. На стенах висели тяжёлые шторы цвета угольного пламени, а возле окна стояло зеркало в тёмной раме, похожей на сплетённые драконьи хвосты.

В зеркале отражалась женщина, к лицу которой Варвара всё ещё не привыкла.

Тонкая. Светлокожая. Слишком бледная для роскоши алого платья, которое ей прислали перед рассветом. Волосы — тёмно-медные, длинные, уложенные чужими руками так туго, что у висков тянуло кожу. Глаза — зелёные, почти прозрачные, с усталой тенью под ресницами.

Красивое лицо.

Слабое лицо — так, наверное, думали те, кто собирался сегодня раздавить его при свидетелях.

Варвара медленно села на краю кровати и опустила босые ступни на холодный пол. В голове по-прежнему жили две памяти: её собственная, упрямая, резкая, земная, и обрывочная, тонущая в страхе память женщины по имени Вара Эштер. Вторая память не говорила прямо. Она вспыхивала запахами, жестами, интонациями. Вот холодный взгляд мужа через длинный обеденный стол. Вот шёпот придворных за веерами. Вот печать брачного договора на белом пергаменте. Вот собственные пальцы, дрожащие над письмом, на которое никто так и не ответил.

И всё это заканчивалось одним: сегодня её должны были развести с Каэлем Рейнаром, генералом драконов, хозяином Северного Предела, человеком, перед которым склонялись даже те, кто ненавидел его.

Служанка снова постучала.

— Леди? Вы слышите?

— Слышу, — ответила Варвара.

Голос прозвучал ровно.

За дверью на мгновение стало тихо. Видимо, прежняя Вара не отвечала так. Прежняя Вара шептала, просила, боялась сделать лишний шаг и каждый раз смотрела на чужие лица так, будто ждала разрешения дышать.

Варвара поднялась.

Платье действительно было рассчитано на унижение. Алый шёлк подчёркивал её бледность. Узкий лиф вынуждал держать спину прямо, но цепочки на плечах были слишком тонкими, почти смешными, будто её нарядили не как леди, а как жертвенную свечу перед боль-

шим огнём. На груди не было ни одной родовой броши. Ни одного знака дома Рейнаров. Ни одного украшения, которое напоминало бы, что она три года была женой дракона.

Три года.

И ни одного дня по-настоящему женой.

Варвара подошла к зеркалу. На туалетном столике лежали перчатки — белые, тонкие, с вышитым на запястье знаком Эштеров: маленький серебряный лист. Род Вары был древним, но обедневшим, удобным для брака. Тихая девушка без сильной поддержки. Подходящая жена, если нужно было закрыть политический долг и не пустить в дом женщину, которая стала бы слишком влиятельной.

А теперь и эта удобная жена стала лишней.

Варвара взяла перчатки, но надевать не стала.

Пусть видят руки.

Пусть видят, что они не дрожат.

Дверь распахнулась. Вошли две служанки и придворный распорядитель — сухой мужчина с длинным носом, серыми губами и цепью Совета на груди. Он окинул Варвару взглядом сверху вниз и заметно удивился.

— Леди Эштер, — произнёс он.

Не Рейнар. Уже не Рейнар.

Удобно. Быстро. До решения Совета оставались минуты, но её уже вычеркнули.

Варвара слегка повернула голову.

— Разве решение принято?

Распорядитель моргнул.

— Прошу прощения?

— Вы назвали меня леди Эштер, — спокойно сказала она. — Насколько я понимаю, до подписи под документом я всё ещё леди Рейнар.

Служанки замерли. Одна опустила взгляд так резко, будто боялась, что за её ресницами можно прочесть улыбку.

Распорядитель побагровел не сразу. Сначала его лицо вытянулось, потом на скулах проступили пятна.

— Совет не любит задержек, леди Рейнар.

— Значит, не будем заставлять Совет ждать.

Она пошла к двери первой.

Позади зашуршали юбки, звякнула цепь распорядителя. Варвара чувствовала, как на неё смотрят. Не так, как вчера. Вчера на неё смотрели с жалостью. Сегодня — с недоумением.

Это было лучше.

Длинный коридор северного крыла тянулся к центральной лестнице. На стенах горели синие светильники, похожие на застывшие языки пламени. В этом мире огонь не всегда был красным. У драконов он мог быть золотым, белым, чёрным, синим, даже прозрачным. У каждого рода — свой оттенок, своя сила, своя гордость.

У Вары не было никакого пламени.

Так говорили все.

Варвара пока не спорила. Слишком мало знала. Слишком многое могла сломать поспешностью. Но одно она уже поняла: этот мир держался на знаках, клятвах и демонстрациях силы. Здесь не обязательно было кричать, чтобы победить. Иногда достаточно было не склонить голову в тот момент, когда все ожидали покорности.

У лестницы стояли два стража в чёрных плащах с золотой окантовкой. Они не перегородили дорогу, но шагнули ближе, как только Варвара приблизилась.

— По приказу Совета, — сказал один из них, — леди должна пройти без сопровождающих.

— Я иду без сопровождающих, — ответила Варвара.

Страж посмотрел на распорядителя.

— Служанки останутся здесь.

— Разумеется, — вмешался распорядитель.

Варвара не обернулась. Ей было всё равно, кто останется за дверью. В этом дворце у неё всё равно не было союзников.

Или были?

На верхней площадке, наполовину скрытая тенью колонны, стояла седая женщина в строгом тёмном платье. Варвара видела её всего однажды в чужой памяти: мадам Лиора, бывшая наставница Вары. Единственная, кто когда-то учил её не только танцевать и вести беседу, но и читать брачные договоры.

Мадам Лиора не поклонилась. Лишь слегка прижала два пальца к запястью.

Жест был быстрым. Почти незаметным.

Вара в своих воспоминаниях знала его значение.

Держись.

Варвара прошла дальше.

Зал Совета Пламени находился в сердце дворца. Двери к нему были такими высокими, что человек рядом казался случайной ошибкой масштаба. Чёрное дерево, красное золото, семь круглых печатей по числу древних драконьих родов. Когда стражи толкнули створки, воздух перед Варварой изменился.

Там было жарко.

Не душно, не уютно, не по-домашнему. Именно жарко — торжественно, тяжело, властно. Будто сам зал дышал огнём и заранее предупреждал каждого вошедшего: здесь слабых не слышат.

Варвара шагнула внутрь.

И сразу поняла, что всё было устроено как спектакль.

По обе стороны зала поднимались ряды для знати. Женщины в драгоценных платьях, мужчины в мантиях, воины с родовыми знаками на плечах. Веера, перчатки, кольца, холодные улыбки. Все места заняты. Все взгляды обращены к ней.

В центре зала лежала длинная дорожка из тёмно-красного камня. Она вела к возвышению, где стоял Трон Пламени — не настоящий трон правителя, а древнее судейское кресло Совета, вырезанное из чёрного минерала. Над ним висел круглый знак: дракон, кусающий собственный хвост, а внутри круга — семь огненных линий.

Перед троном полукругом сидели советники.

Старые. Гордые. Уверенные в своей непогрешимости.

А справа от них стоял Каэль.

Варвара увидела его — и на миг чужая память ударила в грудь так сильно, что пришлось остановиться.

Каэль Рейнар был именно таким мужчиной, из-за которого в юности можно было перепутать страх с восхищением.

Высокий, широкоплечий, в чёрном парадном мундире без лишнего блеска. Серебристо-тёмные волосы убраны назад. Лицо резкое, будто вырезанное из северного камня. Глаза — серые, холодные, внимательные. Он не двигался, но вокруг него всё равно ощущалась сила. Не показная, не театральная. Настоящая.

Вот только Вара боялась его.

А Варвара — нет.

Она дошла до центра зала и остановилась на отмеченном круге. Камень под ногами оказался тёплым.

Шёпот пополз по рядам.

— Не плачет.

— Странно.

— Может, уже смирилась.

— Бедная девочка.

— Какая девочка? Три года носила имя Рейнаров и ничего не дала дому.

Варвара не повернула головы.

За эти несколько дней она узнала достаточно, чтобы понимать: в этом обществе женщину можно было осудить не за поступок, а за отсутствие пользы. Не родила наследника — виновата. Не удержала мужа — виновата. Молчала — слабая. Заговорила — дерзкая.

Как удобно.

Один из советников поднял руку. Шёпот стих.

— Леди Вара из рода Эштер, супруга лорда Каэля Рейнара, генерала Северного Пламени, — произнёс он. — Вы призваны в зал Совета для утверждения расторжения брачного союза.

Варвара смотрела на старика прямо.

Он сделал паузу, явно ожидая, что она дрогнет.

Она не дрогнула.

— Вам понятна причина собрания?

— Да, — сказала Варвара. — Меня позвали выслушать решение, которое уже приняли без меня.

По залу прошёл тихий вдох.

Каэль чуть повернул голову.

Советник прищурился.

— Осторожнее, леди. Вы стоите перед Советом Пламени.

— Именно поэтому я выбираю слова точно.

Несколько вееров раскрылись одновременно. Где-то слева кто-то едва слышно усмехнулся.

Старик медленно положил ладонь на подлокотник.

— Ваш брак с лордом Рейнаром был заключён во имя укрепления союза между родами. За три года союз не принёс ожидаемых плодов. Дом Рейнаров нуждается в будущем, а Север — в устойчивости.

Плодов.

Варвара почувствовала, как внутри поднялась холодная ярость. Не вспышка, не крик, не слёзы. Что-то гораздо более опасное: ясность.

Они говорили о женщине как о земле, которая не дала урожая.

— Дом Рейнаров, — продолжил советник, — подал прошение о расторжении брака с сохранением чести обеих сторон.

Варвара перевела взгляд на Каэля.

Он смотрел на неё без выражения. Красивый, сдержанный, неприступный. Мужчина, который, вероятно, привык выигрывать молчанием. Оно работало на войне, при дворе, среди тех, кто и так знал его власть.

Но сейчас его молчание было не силой.

Сейчас оно было ответом.

— Лорд Рейнар, — сказал советник, — подтвердите свою волю перед Советом.

Каэль шагнул вперёд.

Его сапоги почти бесшумно коснулись камня. Он остановился в нескольких шагах от Варвары. Не рядом. Не далеко. Ровно на той дистанции, где можно говорить как с чужой.

— Я подтверждаю прошение, — произнёс он.

Голос у него был низкий. Спокойный. Без торжества.

И почему-то именно это задело сильнее всего.

Если бы он был жестоким, Варваре было бы проще. Если бы наслаждался унижением, она бы сразу поняла, с кем имеет дело. Но Каэль выглядел человеком, который просто отрезает ненужное. Без ненависти. Без сожаления. Без живого участия.

Варвара медленно кивнула.

— Я услышала.

Каэль впервые заметно изменился. Едва-едва, но изменился: взгляд стал внимательнее. Наверное, он ожидал другого. Слез. Просьб. Сорванного голоса. Может быть, даже обморока, если судить по тому, какие истории о прежней Варе сохранила память тела.

Советник снова заговорил:

— Леди Вара, по закону вы имеете право произнести слово перед утверждением решения.

В зале стало особенно тихо.

Варвара поняла, что это тоже часть спектакля. Ей давали возможность унизиться окончательно. Попросить мужа передумать. Упасть перед Советом. Сказать что-нибудь жалкое, что потом будут пересказывать за ужинами.

Она вдохнула.

Воздух пах горячим камнем, дорогими тканями и чужим ожиданием.

— Я произнесу слово, — сказала Варвара.

В верхних рядах кто-то шепнул:

— Сейчас начнётся.

Нет, подумала она.

Сейчас закончится.

Она не смотрела на зрителей. Не искала сочувствия. Не пыталась понравиться. Прежняя Вара потратила на это три года — и получила развод у трона пламени.

— Мой брак с лордом Рейнаром был заключён по воле родов, — начала Варвара. — Я вошла в его дом с именем Эштер и приняла имя Рейнар. Я соблюдала правила. Я не позорила его герб. Я не выносила за стены то, что происходило за стенами. Я молчала, когда молчание считалось достоинством.

Каэль не двигался.

— Сегодня мне объяснили, что этого недостаточно, — продолжила она. — Что женщина ценна только до тех пор, пока удобна чужим планам. Что союз можно назвать бесполезным, если он не дал Совету желаемого результата. Что честь обеих сторон можно сохранить, даже не спросив одну из этих сторон, была ли у неё честь в этом браке.

Лицо главного советника стало жёстким.

— Леди Рейнар...

— Пока ещё Рейнар, — мягко напомнила Варвара.

В зале кто-то втянул воздух.

Она повернулась к Каэлю.

— Я не стану просить вас передумать, лорд Рейнар.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Не стану спрашивать, почему вы молчали три дня. Не стану требовать от вас объяснений при людях, которым нужны не ответы, а зрелище. Не стану доказывать, что была достойной женой. Мужчина, которому это нужно доказывать после трёх лет брака, уже сделал свой выбор.

По рядам прокатилась волна шёпота.

Варвара снова повернулась к Совету.

— Я принимаю развод.

Слова упали в зал слишком ровно.

Советники переглянулись. Они ожидали сопротивления, но не такого принятия. Спокойствие лишало их удовольствия. Женщина, которая не ломалась, портила представление.

— В таком случае, — произнёс главный советник после короткой паузы, — Совет утверждает условия расторжения союза. Леди Вара Эштер получает личные вещи, годовое содержание в размере...

— Нет, — сказала Варвара.

Советник замолчал.

Каэль резко поднял взгляд.

— Что значит “нет”? — спросил старик.

— Я не принимаю содержание.

На этот раз шёпот стал громче.

— Она сошла с ума?

— Глупая.

— Гордость без денег долго не живёт.

Варвара почти улыбнулась.

Вот оно. Стоило отказаться от милости — и жалость мгновенно превратилась в презрение. Как быстро люди показывают истинное лицо, если лишить их привычной сцены.

— Леди, — голос советника стал холодным, — вы понимаете последствия?

— Да. Содержание делает меня зависимой от дома, который от меня отказался. Я предпочитаю имущество, переданное разово и без права последующего вмешательства.

Старик прищурился. На его лице появилось выражение человека, который обнаружил на шахматной доске фигуру, не стоявшую там минуту назад.

— И что же вы хотите?

Варвара не знала всех законов этого мира. Но память Вары подсказала главное: при разводе жена могла просить отступное из перечня спорных владений, если содержание отвергалось. Обычно так не делали. Женщины выбирали деньги, украшения, покровительство родственников. Земли требовали только те, кто имел силу удержать их.

У Варвары силы не было.

Пока.

— Дом, — сказала она.

В зале стало тихо.

Слишком тихо.

Советник медленно откинулся на спинку кресла.

— Какой дом?

Варвара выдержала паузу. Она не знала, почему в памяти прежней Вары всплыло именно это название. Может быть, когда-то она слышала его в разговоре слуг. Может быть, кто-то смеялся над ним за ужином. Но внутри это имя отозвалось странно: не страхом, а тягой.

— Дом Последнего Пламени.

Смех начался не сразу.

Сначала кто-то коротко выдохнул. Потом справа хихикнула женщина. Затем один из молодых лордов не удержался и рассмеялся открыто. Через несколько секунд весь зал был наполнен приглушённым, блестящим, злым весельем.

— Дом Последнего Пламени? — переспросил советник.

— Да.

— Вы знаете, что это за владение?

— Северное поместье, принадлежащее спорному перечню дома Рейнаров после старого пограничного раздела.

— Это развалина.

— Значит, дом Рейнаров не понесёт большой утраты.

Смех стал громче.

Каэль не смеялся.

Он смотрел на неё так, словно впервые перестал понимать, что произойдёт дальше.
Главный советник постучал пальцами по подлокотнику.

— Леди, Дом Последнего Пламени холоден уже почти век. Там нет двора, нет дохода, нет приёма знати, нет будущего. Это камни на краю северных ветров.

— Прекрасно, — ответила Варвара. — Я не люблю шумных соседей.
В верхних рядах кто-то поперхнулся смешком.

Старик поджал губы.

— Вы принимаете на себя расходы, ответственность за прислугу, земли и все старые обязательства, связанные с этим владением?

— Если они подтверждены документами.

Советник едва заметно нахмурился. Кажется, эта поправка ему не понравилась.

— Документы будут переданы.

— Все.

— Что?

— Все документы. Описи, старые клятвы, перечни земель, имена служащих, доходные книги, письма о передаче прав, ограничения, печати и ключи. Если Дом Последнего Пламени станет моим отступным, я получаю его полностью, а не в виде красивого названия на пустом пергаменте.

Теперь уже не смеялись.

Варвара поняла, что попала в точку. Не знала — и всё равно попала. Где-то под этой насмешкой пряталось нечто важное. И Совет не хотел отдавать это целиком.

Каэль сделал шаг.

— Вара.

Это было первое обращение к ней не через Совет.

Имя прозвучало непривычно. Почти личное. Почти запоздалое.

Варвара повернулась к нему.

— Лорд Рейнар?

Он чуть заметно напрягся от этого обращения.

— Вы не понимаете, что просите.

— Вероятно.

— Это не место для вас.

— Вы три года решали, какое место для меня подходит. Сегодня я впервые выберу сама.

На его лице что-то дрогнуло. Не раскаяние. Нет. До раскаяния таким мужчинам нужно пройти долгую дорогу через собственную гордость. Но раздражение — да. И ещё нечто острое, похожее на тревогу.

— Дом Последнего Пламени не принимает чужих, — сказал он тише.

Варвара улыбнулась уголком губ.

— Тогда мы с ним договоримся. Меня тоже здесь не приняли.

Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала. Не по залу — по ней самой. Потому что в них была правда не только Вары, но и Варвары. Проснуться в чужом мире, в чужом теле, среди чужих правил и понять, что твою судьбу уже подписали другие, — это тоже значило быть непринятой.

Но непринятая не значит побеждённая.

Главный советник поднялся.

— Совет удалится для краткого согласования.

— Разумеется, — сказала Варвара.

Советники переговаривались недолго. Слишком быстро для настоящего обсуждения. Значит, Дом Последнего Пламени либо уже числился бесполезным, либо кто-то решил, что

бывшая жена Рейнара сама похоронит себя в северных стенах, и это будет удобнее годового содержания.

Варвара стояла посреди зала, пока вокруг неё снова шептались.

Каэль не возвращался к своему месту. Он остался в нескольких шагах от неё.

— Почему? — спросил он тихо.

Она не сразу ответила.

— Вы уточните вопрос, лорд Рейнар. Сегодня слишком много причин для “почему”.

Его взгляд стал жёстче.

— Почему дом?

— Потому что деньги заканчиваются. Дом — нет.

— Этот дом может стать ловушкой.

— Ваш дворец уже стал.

Он замолчал.

Варвара почувствовала странное удовлетворение. Не радость. Не победу. Просто маленькое восстановление равновесия. Три года прежняя Вара глотала слова. Сегодня хотя бы часть из них возвращалась на место.

— Я не желал вам зла, — сказал Каэль.

Она посмотрела на него внимательно.

Вот это было почти смешно.

Не желал зла. Какая удобная фраза для человека, который позволил злу совершаться в тишине. Не ударил — значит, невиновен. Не смеялся — значит, не участвовал. Не унижал собственным голосом — значит, сохранил честь.

Варвара сказала спокойно:

— Возможно. Но вы и добра мне не желали. Иногда этого достаточно.

Его пальцы едва заметно сжались.

— Вы говорите не как она.

Внутри всё похолодело.

Это было опасно.

Слишком рано. Слишком внимательно.

Варвара не отвела взгляд.

— Люди меняются, когда их ведут на развод как на казнь их достоинства.

Слово было резким, но безопасным. В этом мире такие сравнения, вероятно, звучали не хуже других.

Каэль долго смотрел на неё. Потом произнёс:

— Осторожнее с Советом.

— Вы говорите это как бывший муж или как генерал?

— Как человек, который знает, что они делают с теми, кто им мешает.

— Тогда сегодня вы стоите очень близко к ним, лорд Рейнар.

На этот раз он не нашёл ответа.

Советники вернулись на места. Главный старик поднял перед собой тонкий лист пергамента, который принёс писарь. Бумага мерцала по краям красноватым светом.

— Совет Пламени постановил, — начал он, — расторгнуть брачный союз между лордом Каэлем Рейнаром и леди Варой из рода Эштер. По взаимному согласию сторон...

— Нет, — снова сказала Варвара.

На лицах советников появилось почти одинаковое выражение усталой злости.

— Что теперь, леди?

— Формулировка неверная. Не по взаимному согласию. По прошению лорда Рейнара и решению Совета. Я развод принимаю, но не просила его.

Молчание стало таким плотным, что в нём можно было услышать, как потрескивают огненные чаши у стен.

Писарь замер с пером.

Главный советник медленно повернул голову к Каэлю.

— Лорд Рейнар?

Каэль посмотрел на Варвару.

Долго.

Потом сказал:

— Исправьте формулировку.

По залу прошёл новый шёпот. На этот раз другой. Не насмешливый — настороженный. Люди почувствовали сдвиг. Маленький, но настоящий.

Писарь склонился над пергаментом.

Советник продолжил уже суше:

— По прошению лорда Рейнара и решению Совета Пламени брачный союз расторгается. Леди Вара из рода Эштер принимает в качестве окончательного отступного Дом Последнего Пламени со всеми относящимися к нему правами, обязанностями, печатями, ключами и документами, без права дома Рейнаров вмешиваться в управление владением после передачи.

Варвара слушала каждое слово.

Вот теперь — правильно.

— Стороны должны поставить подписи и приложить кровь рода к печати.

Она заметила на столе маленький серебряный шип и чашу с огненным ободом.

Внутри всё сжалось от отвращения, но она не позволила лицу измениться. В этом мире род подтверждали через кровь. Значит, придётся принять правило. Один раз. Спокойно. Без лишнего движения.

Каэль подошёл первым.

Он взял шип, коснулся пальца, затем прижал руку к печати. Красноватое пламя вспыхнуло и тут же улеглось в линии его имени. Подпись вышла твёрдой, резкой, похожей на удар меча.

Потом очередь дошла до Варвары.

Все взгляды снова прилипли к ней.

Она подошла к столу. Вблизи пергамент казался почти живым: буквы слегка двигались, пока печать ждала её согласия. Там было написано имя Вары Эштер. Не Варвары. Но Варвара уже понимала: если она хочет выжить, ей придётся взять это имя и наполнить его собой.

Она взяла серебряный шип.

Каэль стоял рядом. Слишком близко. От него пахло холодным ветром и дымом, хотя в зале не было ни открытого окна, ни настоящего очага.

— Ещё можно отказаться, — сказал он едва слышно.

Варвара не посмотрела на него.

— От развода?

Он молчал.

Она сама ответила:

— Нет. От него уже нельзя.

И приложила остриё к пальцу.

Маленькая алая капля выступила на коже. Варвара прижала ладонь к печати рядом со своей подписью.

На мгновение ничего не произошло.

Где-то сзади раздался смешок.

— Даже печать не хочет...

Фраза оборвалась.

Потому что пергамент вспыхнул.
Не красным. Не синим. Не чёрным.
Золотым.

Сначала тонкая линия прошла по краю документа, затем поднялась вверх, обвила подпись Варвары и легла поверх слов “Дом Последнего Пламени”. Огненные чаши у стен разом погасли. В зале стало темнее, но вокруг её руки разливался мягкий, живой свет.

Варвара замерла.
На её ладони, прямо над тонкой царапиной, дрожала крошечная золотая искра.
Маленькая. Почти невозможная.
Но весь зал смотрел на неё так, будто перед ними раскрылось не чудо, а угроза.
Главный советник побледнел.
Каэль резко шагнул ближе.

— Вара...

Искра поднялась на толщину волоса, закружилась над её ладонью и вдруг вытянулась в знак — маленький силуэт башни, охваченной золотым пламенем.

Варвара не знала этот символ.
Но Вара знала.

Глубоко, в самой дальней памяти, где жила не покорность, а забытый детский страх перед взрослыми разговорами, всплыл шёпот мадам Лиоры:

“Если Дом Последнего Пламени когда-нибудь ответит женщине, Совет падёт на колени или сгорит от собственной лжи”.

Варвара медленно подняла глаза.
Советники смотрели на её ладонь.
Придворные больше не смеялись.

А Каэль Рейнар — её бывший муж, генерал драконов, мужчина, который только что от неё отказался, — впервые за всё утро выглядел так, словно понял: он потерял не жену.

Он потерял ключ.

И в тот же миг где-то далеко на севере, за горами и ветрами, в старом доме, который все считали мёртвым, проснулось последнее пламя.

Глава 2. Хозяйка мёртвого дома

Золотая искра погасла не сразу.

Она ещё несколько мгновений дрожала над ладонью Варвары, маленькая, упрямая, невозможная, и весь зал Совета Пламени смотрел на неё так, словно огонь размером с пшеничное зерно мог обрушить стены дворца.

Никто не смеялся.

Это было первым настоящим удовольствием этого утра.

Варвара не опустила руку. Не потому, что хотела произвести впечатление, а потому, что любое слишком быстрое движение могло выдать её растерянность. Она не знала, что именно произошло. Не понимала, почему старый дом, который называли холодным и пустым, ответил ей прямо здесь, у трона пламени. Не знала, чем это грозит.

Но одно поняла сразу: страх Совета был ценнее любых объяснений.

Главный советник первым отвёл взгляд от её ладони. Его лицо снова стало надменным, но теперь эта надменность выглядела натянутой, как тонкая ткань на трещине.

— Печать принята, — произнёс он.

Писарь сидел с пером в поднятой руке и не двигался.

— Записывайте, — сказал советник резче.

Перо закрипело по пергаменту.

Каэль стоял рядом с Варварой слишком близко. Она чувствовала его присутствие плечом, хотя между ними оставалось расстояние. Он ничего не говорил, но теперь его молчание было другим. Не равнодушным. Напряжённым.

Варвара медленно сжала пальцы, закрывая ладонь.

Золотая искра исчезла, но тепло осталось. Не обжигающее, не яркое. Будто под кожей вспоминало себя что-то давно забытое.

— Леди Эштер, — начал главный советник.

Варвара повернула к нему голову.

Он запнулся на половине следующего слова. Да, теперь она уже не Рейнар. Формально — снова Эштер. Но, кажется, произнести это после того, как Дом Последнего Пламени ответил ей золотым знаком, оказалось не так приятно, как несколькими минутами раньше.

— Документы о передаче владения будут доставлены вам в течение семи дней, — закончил он.

— Нет, — сказала Варвара.

Кто-то в верхнем ряду едва слышно охнул.

Каэль медленно выдохнул, почти беззвучно. Варвара могла бы поклясться, что в этом выдохе было не раздражение, а что-то похожее на невольное признание: он уже понял, что она снова не пойдёт по удобной для Совета дороге.

Главный советник побледнел от злости.

— Леди, вы злоупотребляете терпением Совета.

— Я пользуюсь правами, которые Совет сам только что подтвердил.

— Документы требуют подготовки.

— Ключи не требуют подготовки. Печати тоже. Описи существуют, иначе вы не внесли бы Дом Последнего Пламени в перечень спорных владений. Мне передают не обещание дома, а сам дом.

Старик положил обе ладони на подлокотники. Вокруг его пальцев вспыхнула тонкая красная линия, но тут же погасла. Он не решился. При всех — не решился.

Варвара отметила это спокойно, почти деловито.

Значит, её можно было пугать. Но не здесь. Не в момент, когда весь зал видел золотой знак на документе.

— Вы слишком торопитесь в место, из которого другие старались уехать, — произнёс советник.

— Тем легче будет найти свободные комнаты.

Верхние ряды снова зашептались. Но теперь в шёпote не было прежней уверенности. Люди меняли тон, потому что не знали, как правильно реагировать. Ещё утром она была жалкой женой, которую возвращали в род без славы и без будущего. Теперь она стала женщиной, которой ответил дом из старой легенды.

Никто не любил менять мнение при свидетелях.

Писарь поднёс к столу небольшой ларец из тёмного дерева. На крышке поблёскивал тот же знак, что появлялся над ладонью Варвары: башня в золотом пламени. Только здесь золото давно потускнело и почти ушло в серый цвет.

— Передайте, — приказал советник.

Писарь не сразу послушался. Сначала он взглянул на Каэля. Странно. Будто ключи к дому, уже отданному Варваре, всё ещё имели отношение к бывшему мужу.

Каэль не кивнул и не сделал жеста. Лишь посмотрел на писаря так, что тот поспешно опустил глаза и поставил ларец перед Варварой.

— Здесь основные ключи, дорожная печать, краткая опись владения и право прохода через северные заставы, — сухо сказал главный советник. — Остальные бумаги будут отправлены следом.

— Сегодня.

— Леди...

— Сегодня, — повторила Варвара. — Я покидаю дворец сегодня. И не намерена ехать к своему дому с половиной прав.

Каэль наконец вмешался:

— Подготовьте полный пакет бумаг.

Советник резко повернулся к нему.

— Лорд Рейнар, после расторжения союза вы не можете...

— Дом передан из спорного перечня моих владений, — холодно сказал Каэль. — Мне не нужно вмешиваться, чтобы подтвердить, что бумаги существуют. Их можно собрать до заката.

Варвара не посмотрела на него.

Благодарить не собиралась. Он не подарил ей милость. Он просто не дал Совету украсть часть того, что уже не принадлежало ему.

Разница была важной.

Главный советник понял это тоже. Его губы стали тонкими.

— Хорошо. До заката.

— До полудня, — сказала Варвара.

Старик будто подавился воздухом.

Каэль чуть повернул голову к ней. В его взгляде впервые за всё утро мелькнуло что-то живое, почти опасное. Не улыбка. Нет. До улыбки таким людям далеко. Но тень удивления — да.

Варвара открыла ларец.

Внутри лежали три ключа. Один большой, чёрный, с зубцами в форме пламени. Второй — тонкий серебряный, почти невесомый. Третий был странным: не металлическим, а будто вырезанным из тёмного камня с золотой прожилкой внутри. Рядом лежала круглая печать на цепочке и сложенный лист с красной лентой.

Она взяла большой ключ.

Он оказался ледяным.

Но спустя секунду потеплел в её пальцах.

Варвара закрыла ларец и прижала его к себе, как вещь, которую уже никто не имел права отнять.

— В таком случае, — сказала она, — считаю наше дело завершённым.

Никто не остановил её, когда она повернулась и пошла по тёмно-красной дорожке к выходу. На этот раз зал расступался перед ней не физически, а иначе: взглядами, молчанием, задержанным дыханием. Её больше не провожали как отвергнутую жену.

Провожали как вопрос.

У самых дверей Каэль догнал её.

— Вара.

Она остановилась, но не обернулась сразу.

Как быстро это имя начало раздражать. Не потому, что было чужим. А потому, что в его устах всё ещё звучало право, которого у него больше не было.

— Если вы снова хотите сказать, что дом опасен, — произнесла Варвара, — вы опоздали на весь брак.

За спиной на секунду стало тихо.

— Я хотел сказать, что северная дорога тяжела.

— А я хотела сказать, что умею сидеть в карете.

— Это не столичная прогулка.

— Тем лучше. Столица мне сегодня надоела.

Он обошёл её и встал так, что ей пришлось поднять взгляд. Вблизи его глаза казались не просто серыми. В них было что-то от зимнего неба перед бурей: холод, глубина и та опасная ясность, после которой люди запирают окна.

— Вы не понимаете, с чем столкнулись.

— Возможно, — сказала Варвара. — Но я уже поняла, с кем.

Его лицо осталось неподвижным.

— Не все в этом зале ваши враги.

— Правда? Тогда они хорошо притворяются.

— Совет испугался.

— Я заметила.

— Испуганный Совет опаснее смеющегося.

Варвара чуть наклонила голову.

— Это предупреждение?

— Да.

— Тогда приму его к сведению.

Она хотела пройти, но Каэль не отошёл. Не перегородил путь явно, но остался на месте. Прежняя Вара, наверное, остановилась бы, опустила глаза и ждала, пока он закончит. Варвара смотрела прямо.

— Что ещё, лорд Рейнар?

Он словно не сразу привык к этому обращению.

— Почему вы не взяли деньги?

— Потому что деньги — это повод приходить и проверять, как я их трачу. Дом — повод закрыть ворота.

— Ворота Дома Последнего Пламени не открывались прежним хозяевам.

— Значит, я не буду прежней хозяйкой.

В его взгляде появилось что-то похожее на злость. Но злость была направлена не только на неё. Может быть, на себя. Может быть, на Совет. Может быть, на то странное ощущение, которое возникало, когда вещь, списанная тобой как ненужная, вдруг оказывалась живой и выбирала не тебя.

— Я пришлю людей для охраны дороги, — сказал он.

— Нет.

— Это не просьба.

— Тогда тем более нет.

— Вара.

— Лорд Рейнар, — Варвара произнесла его титул мягко, почти вежливо, и именно поэтому он прозвучал как удар ладонью по закрытой двери, — наш брак расторгнут по вашему прошению и решению Совета. В документе, который вы подписали, есть слова “без права вмешательства”. Вы сами потребовали исправить формулировку. Не заставляйте меня напоминать вам её при свидетелях.

Впервые он отвёл взгляд.

Не вниз. В сторону. К распахнутым дверям, за которыми уже собирались любопытные придворные. Да, он понял. Если сейчас продолжит настаивать, сам нарушит новый порядок.

— Вы упрямы, — сказал он.

— Я быстро учусь.

— Нет, — тихо ответил Каэль. — Такой вы были всегда. Просто раньше молчали.

Эти слова неожиданно задели.

Не потому, что были нежными. Нежности в них не было. Скорее опасное наблюдение. Будто он признал, что в прежней Варе, затоптанной страхом и правилами, всё же существовала часть, которую никто не потрудился увидеть.

Варвара не дала себе смягчиться.

Слишком рано. Слишком удобно для него.

— Если это всё, мне нужно собрать вещи.

— У вас есть куда ехать до передачи всех бумаг?

— В Дом Последнего Пламени.

— Прямо сегодня?

— Да.

— Ночь застанет вас в дороге.

— Значит, карета узнает, что такое темнота.

Каэль долго смотрел на неё. Потом медленно отступил в сторону.

— Возьмите хотя бы карту северных застав.

— Она будет среди документов. До полудня.

Он ничего не ответил.

Варвара прошла мимо.

И только когда тяжёлые двери закрылись за её спиной, она позволила себе выдохнуть.

Не глубоко. Не с облегчением. Просто так, чтобы снова почувствовать тело своим.

Её руки всё ещё были холодными, хотя ладонь с золотой искрой хранила странное тепло. Она шла по коридору, и дворец уже казался другим. Не клеткой, а местом, из которого удалось выйти не ползком, а на своих ногах. Это была ещё не победа. Скорее первый шаг по тонкому льду.

Но шаг был её.

У лестницы её ждала мадам Лиора.

Седая женщина стояла всё так же прямо, будто годы выточили из неё не старость, а сталь. Рядом не было ни служанок, ни стражей. Она выбрала момент точно.

— Леди, — сказала она.

Варвара остановилась.

— Вы знали?

Мадам Лиора не стала притворяться, что не поняла.

— Я надеялась.

— На что?

— Что он ответит.

— Дом?

— Дом, — подтвердила мадам Лиора. — И что вы наконец перестанете просить разрешения у тех, кто привык выдавать клетку за защиту.

Варвара внимательно посмотрела на неё. В памяти Вары эта женщина была строгой, требовательной, иногда почти жестокой в своей честности. Но рядом с ней не было страха. Только боль от того, что когда-то ученица не сумела воспользоваться уроками.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что раньше вы не слышали бы.

Это было неприятно. И, возможно, правдиво.

Варвара сжала ларец.

— Что мне нужно знать о доме?

Мадам Лиора бросила взгляд в сторону коридора.

— Не здесь.

— Тогда быстро.

Седая женщина помолчала, выбирая не самые мягкие, а самые нужные слова.

— Дом Последнего Пламени не мёртв. Так говорят те, кому выгодно считать его мёртвым. Он заперт, обобран и забыт. Это разные вещи.

— Кем обобран?

— Теми, кто сегодня сидел в зале и боялся вашей ладони.

Варвара почувствовала, как внутри снова поднялась та самая холодная ясность.

— Совет.

— Не только. Дом много лет переходил из перечня в перечень. Формально — владение Рейнаров. Фактически — ничьё. А всё ничьё при дворе быстро становится чьим-то тайным кошельком.

— Там есть люди?

— Должны быть слуги. Немного. Самые упрямые или самые безвыходные. Управляющий Тибор, если ещё жив, встретит вас у ворот.

— Он на моей стороне?

— Тибор на стороне дома.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который вы можете получить до встречи с ним.

Варвара запомнила.

— Что значит “дом ответил женщине”?

На лице мадам Лиоры впервые мелькнуло настоящее беспокойство.

— Это значит, что отныне каждый ваш шаг будут считать угрозой. Не потому, что вы уже сильны. А потому, что можете стать сильной.

— А если я не хочу становиться угрозой?

— Тогда они решат, что вы слабая угроза, и попытаются уничтожить вас быстрее.

Жёстко. Но честно.

Варвара почти усмехнулась.

— Утешительно.

— Утешения оставляют детям, леди. Женщинам дают ключи, если они готовы держать двери.

Мадам Лиора протянула ей маленький свёрток. Тёмная ткань, перевязанная простой нитью.

— Что это?

— То, что прежняя Вара должна была получить в день свадьбы, но не получила.

— Почему?

— Потому что её слишком быстро научили быть благодарной за пустые руки.

Варвара развернула ткань. Внутри лежала тонкая брошь в форме серебряного листа, но по его жилкам тянулась едва заметная золотая нить.

— Знак Эштеров?

— Старый. До того как род обеднел и стал удобным для чужих договоров.

Варвара приколотла брошь к платью сама.

Пальцы не дрогнули.

— Спасибо.

Мадам Лиора чуть склонила голову.

— Не благодарите слишком рано. Дом Последнего Пламени не любит тех, кто приходит только брать. Если хотите, чтобы он признал вас не случайной владелицей, а хозяйкой, начните с порядка. Откройте зал. Проверьте счета. Пересчитайте ключи. Узнайте, кто остался в доме, кто приходит без права, какие двери заперты и почему. Не верьте словам “так было всегда”. Это самая любимая ложь старых домов.

Варвара впервые за утро почувствовала не злость, а странное спокойствие.

Порядок.

Вот это она понимала.

Не драконьи клятвы, не древние печати, не золотые искры над ладонью. А списки, двери, люди, обязанности, ресурсы, долги, ложь, спрятанная в бумагах, и лица, которые меняются, когда задаёшь точный вопрос.

— Вы поедете со мной? — спросила она.

Мадам Лиора посмотрела на неё почти мягко.

— Нет. Моё место пока здесь.

— Пока?

— Кто-то должен слушать, что начнут говорить после вашего отъезда.

Варвара кивнула.

Это был союз. Не тёплый, не простой, не украшенный красивыми словами. Но настоящий.

— Тогда слушайте внимательно.

— Обязательно, леди.

До полудня документы действительно собрали.

Не потому, что Совет стал добрее. Потому что Варвара отказалась покидать дворец без них и устроилась в малой приёмной с таким видом, будто могла просидеть там до конца зимы. Слуги приносили сундуки, писари — свитки, распорядитель — всё новые и новые выражения недовольства на лице. Она проверяла печати, сверяла названия, требовала копии описи и задавала вопросы, от которых у людей начинали белеть губы.

— Почему в списке тринадцать ключей, а в ларце три?

— Почему доходная книга заканчивается восемь лет назад?

— Почему застава у Чёрного перевала указана как действующая, если рядом помета “закрыта по приказу Совета”?

— Почему в перечне слуг нет ни одной женщины младше сорока лет?

— Почему архивная башня стоит под отдельной печатью?

На последний вопрос распорядитель ответил слишком быстро:

— Старая предосторожность.

Варвара подняла глаза.

— Предосторожность от чего?

— От разрушения бумаг.

— Бумаги разрушаются от сырости, огня и чужих рук. Каких именно рук боялись прежние владельцы?

Он не ответил.

Она записала это на полях описи.

Каэль больше не появлялся.

Но его присутствие всё равно чувствовалось. Один раз Варвара заметила у дверей воина в чёрном плаще с серебряной застёжкой Рейнаров. Тот ничего не сказал, только проследил, чтобы писари отдали ей дорожную карту. Второй раз на стол легла дополнительная связка северных пропусков — без подписи, но с печатью генерала. Вмешательство? Да. Полезное? Тоже да.

Варвара взяла пропуска.

Благодарить снова не стала.

К вечеру она выехала из столицы.

Карета оказалась не роскошной, но прочной. Чёрное дерево, железные накладки, плотные занавеси, ящики для бумаг под сиденьем. Её сопровождали только кучер, двое нанятых стражей без знаков Рейнаров и пожилая горничная Марена, которая пришла сама, с маленьким узлом и упрямым выражением лица.

— Почему вы хотите ехать со мной? — спросила Варвара, когда та молча поставила узел у дверицы.

Марена поджала губы.

— Во дворце после сегодняшнего дня будет шумно. А я шум не люблю.

— Дом Последнего Пламени, говорят, хуже.

— Камни сплетен не разносят.

Ответ понравился Варваре.

— Садитесь.

Первые часы дороги прошли в сером свете. Столица осталась позади, высокая, каменная, с золотыми крышами и красными башнями. Потом начались холмы, затем хвойные леса. Чем дальше они ехали на север, тем ниже становилось небо. Ветер бил по карете, будто пытался выяснить, кто посмел нарушить привычный порядок.

Варвара почти не смотрела в окно. Она читала.

Документы Дома Последнего Пламени оказались не просто неполными — они были обрезаны, как ткань, из которой кто-то вырвал середину. В описи значились главный зал, восточная башня, западное крыло, конюшни, кладовые, внутренний двор, старая галерея, архивная башня и подземный ход, отмеченный коротко: “закрыт”. Причины не было.

В списке слуг — девять имён. Управляющий Тибор Арк. Ключница Агна. Дворник Севен. Повар Руш. Конюх Грант. Две прачки. Один мальчик на поручениях, возраст не указан. И ещё одна строка, густо зачёркнутая.

Варвара провела пальцем по чернилам.

— Марена.

— Да, леди?

— Что значит зачёркнутое имя в списке слуг?

Горничная наклонилась, посмотрела и сразу отодвинулась.

— Значит, кто-то хотел, чтобы имя исчезло, но не решился вырезать строку.

— Почему не вырезал?

— Пергамент с печатью. Если вырезать, будет видно нарушение.

Варвара снова посмотрела на зачёркнутую строку.

— Удобный мир. Даже ложь здесь обязана соблюдать форму.

Марена тихо хмыкнула.

— Форма — любимая одежда лжи, леди.

К ночи карета остановилась на северной заставе. Стражи долго проверяли пропуска, пока не увидели золотую дорожную печать. После этого стали вежливее. Не добрее — именно вежливее, а Варвара уже начала понимать разницу.

На второй день дорога сузилась. Лес подступил ближе. Снега ещё не было, но земля казалась серой и жёсткой, трава — низкой, ветер — злым. Небо висело так низко, будто север не признавал лишней высоты ни для облаков, ни для человеческих надежд.

Дом Последнего Пламени показался перед закатом.

Сначала Варвара увидела башни.

Три чёрных силуэта на фоне свинцового неба. Центральная — высокая, с обломанным шпилем. Две боковые — ниже, шире, будто плечи старого зверя, который лёг на холм и не собирался никому уступать место. Вокруг дома тянулась каменная стена. Не разрушенная, но почерневшая от времени. У ворот висели две ржавые цепи, а над аркой темнел знак башни в пламени.

Только пламя на камне было почти стёрто.

Карета остановилась.

Кучер спрыгнул первым, потом открыл дверцу.

Ветер ворвался внутрь и ударил Варвару в лицо так резко, что она на секунду зажмурилась. Север пах мокрым камнем, хвойной смолой и холодной землёй. Никакой дворцовой приторности. Никакого жара Совета. Здесь всё было сурово, честно и неприветливо.

Варвара вышла.

Под каблуками хрустнул мелкий гравий.

Ворота не открывались.

Перед ними стоял старик в длинном тёмном кафтане. Высокий, худой, с белыми волосами, убранными назад, и лицом, на котором не было ни радости, ни любопытства. Только усталое, упрямое ожидание человека, который много лет встречал плохие новости и давно перестал надеяться на хорошие.

— Леди Эштер, — сказал он.

Варвара поправила перчатку.

— Варвара.

Старик чуть нахмурился.

— В документах указано имя Вара Эштер.

— В документах много пробелов. Начнём с тех, которые легче исправить. Меня зовут Варвара.

Марена, стоявшая позади, не издала ни звука, но Варвара почувствовала её внимание.

Старик помолчал.

— Управляющий Тибор Арк.

— Я знаю. Вы есть в списке.

— Не всё, что есть в списках, живёт достаточно долго, чтобы встретить нового хозяина.

— Но вы встретили.

— Пока да.

Он говорил ровно, без дерзости, но и без почтения. Не грубил. Проверял.

Варвара оглядела закрытые ворота.

— Почему мы стоим снаружи?

— Потому что ещё не поздно развернуться.

Марена тихо втянула воздух.

Стражи переглянулись.

Варвара посмотрела на управляющего внимательнее.

— Это угроза?

— Совет.

— Что именно советуете?

— Уехать до темноты. Вернуться в столицу. Потребовать другое отступное. Любой дом с крышей, которая не помнит больше смертей, чем свадеб.

Слово было резким, но Варвара не показала, что заметила его тяжесть.

— Вы всегда так встречаете владелиц?

— У нас их не было.

— Владельцев?

— Владельцы были. Хозяев — нет.

Варвара посмотрела на ворота. На стёртый знак. На чёрные башни, в окнах которых не горело ни одного огня.

— Значит, дому повезло. Я не люблю пустые должности.

Тибор медленно перевёл взгляд на ларец в её руках.

— У вас есть ключ?

Варвара достала большой чёрный ключ.

Когда она подняла его, ветер вокруг ворот будто изменился. Не стих, нет. Скорее прислушался.

Тибор увидел это. Его лицо осталось неподвижным, но глаза стали другими.

— Вам лучше не делать этого сейчас, — сказал он тише.

— Открывать собственные ворота?

— Будить то, что много лет спало.

— Оно проснулось ещё в зале Совета.

Управляющий резко посмотрел на неё.

Вот теперь она попала в точку уже осознанно.

— Значит, правда, — произнёс он.

— Что именно?

— Дом ответил.

— Маленькой искрой.

Тибор медленно выпрямился. На мгновение в его лице появилось нечто, похожее на боль старой надежды. Не радость. Радости он, кажется, не доверял. Именно боль — потому что надежда после долгой пустоты причиняет человеку не меньше страха.

— Откройте ворота, — сказала Варвара.

— Ключ у вас.

— Но цепи с этой стороны у вас.

Тибор смотрел на неё ещё несколько секунд. Потом повернулся и снял с пояса связку. Цепи заскрипели так, будто их не трогали годами. Один из стражей хотел помочь, но управляющий остановил его коротким взглядом.

— Дом не любит чужие руки у своих замков.

— Запомню, — сказала Варвара.

Ворота раскрылись тяжело, с низким стоном камня и железа.

За ними лежал двор.

Пустой.

Серые плиты, заросшие трещины, сухой фонтан в центре, длинная лестница к главному входу. По обе стороны — каменные фигуры драконов. У одного не было крыла, у другого — головы. На ступенях стояли люди: несколько слуг в тёмной одежде. Никто не улыбался. Никто не кланялся низко. Они смотрели на Варвару так, будто она была очередной ошибкой, присланной столицей.

Прекрасно.

С ошибками она умела работать.

Варвара вошла первой.

Как только её каблук коснулся первой плиты двора, где-то глубоко под землёй раздался глухой звук. Не громкий. Не страшный. Скорее похожий на то, как огромный дом делает первый вдох после долгого молчания.

Слуги замерли.

Тибор побледнел.

Варвара остановилась, но только на секунду.

— Продолжим, — сказала она.

И пошла к лестнице.

Главные двери были выше городских ворот, но выглядели так, будто их годами открывали лишь наполовину. На чёрном дереве висели траурные покрывала. Пыль лежала по складкам серыми полосами. Над входом тускло блестел герб Последнего Пламени.

— Почему покрывала? — спросила Варвара.

Тибор подошёл на два шага ближе.

— Так принято.

— Кем?

— Здесь.

— Дом умер?

— Нет.

— Тогда снимите.

Слуги не шелохнулись.

Тибор смотрел на неё очень внимательно.

— Леди, это старый обычай.

— Старые обычаи бывают полезными. Этот выглядит как объявление поражения.

Повар Руш, широкий мужчина с густыми бровями, пробормотал:

— Покрывала висят со смерти последней хозяйки.

Варвара повернулась к нему.

— Сколько лет?

Он посмотрел на Тибора.

— Не на него, — сказала Варвара. — На меня.

Повар сглотнул.

— Девяносто три года, леди.

— Девяносто три года дом встречает каждого входящего как могилу?

Никто не ответил.

Варвара сняла перчатки и протянула их Марене. Затем подошла к двери, ухватила край ближайшего покрывала и резко потянула вниз.

Пыль взлетела облаком. Кто-то ахнул. Ткань оказалась тяжёлой, грубой, пропитанной многолетней сыростью и чужой покорностью. Варвара не бросила её на ступени. Аккуратно сложила вдвое и передала первому попавшемуся слуге — худому юноше с испуганными глазами.

— Как тебя зовут?

— Нир, леди.

— Нир, отнеси это во двор. Остальные покрывала снять до ужина. Не порвать, не сжигать, не прятать. Сложить и пересчитать.

Юноша посмотрел на Тибора.

Варвара чуть повысила голос:

— Нир.

Он вздрогнул.

— Да, леди.

И побежал.

Это было первым маленьким сдвигом.

Варвара поднялась по ступеням и вошла в дом.

Холл встретил её холодом и тишиной.

Не пустотой — именно тишиной. Огромное пространство под высоким потолком, чёрно-серые колонны, широкая лестница на второй этаж, закрытые двери по обе стороны, погасшие чаши для огня, зеркала под тканью, ковры, свёрнутые у стен. Воздух пах камнем, пылью и старым деревом.

Дом не был развалиной.

Это Варвара поняла сразу.

Он был заброшен нарочно.

Разница бросалась в глаза тому, кто умел смотреть. Перила крепкие, полы целые, стены без серьёзных трещин. Да, всё потемнело, всё замерло, всё давно не знало порядка. Но это был не умирающий дом. Это был дом, который заставили притворяться мёртвым.

— Главный зал? — спросила Варвара.

Тибор указал направо.

— Закрыт.

— Ключ?

— У меня.

— Открывайте.

— Леди, вы с дороги. Вам стоит сначала отдохнуть.

Она повернулась к нему.

— Тибор, давайте сразу договоримся. Когда я захочу отдохнуть, я скажу. Когда я спрошу, открыт ли зал, мне нужен ответ о зале, а не забота о моём расписании.

Управляющий не обиделся. Кажется, даже одобрил, хотя лицо осталось мрачным.

— Как прикажете.

Главный зал оказался за двойными дверями с серебряными накладками. Тибор подбирал ключ долго, хотя связка у него была небольшая. Варвара заметила это, но не стала торопить. Иногда человек тянет время не потому, что хочет мешать, а потому что боится увидеть ответ.

Наконец замок щёлкнул.

Двери распахнулись.

Зал был огромным.

Когда-то он, наверное, поражал гостей. Высокие окна до пола, каминная стена из чёрного мрамора, длинный стол, на котором можно было усадить полсотни человек, галерея второго яруса, гербы старых родов под потолком. Теперь всё было закрыто серыми покрывалами. На столе лежала пыль. Окна были заперты ставнями, и свет проникал через щели тонкими полосами.

Варвара вошла внутрь и остановилась.

Где-то в глубине груди снова шевельнулось тепло. Та самая ладонь, над которой вспыхнула искра, отозвалась лёгким покалыванием.

Дом ждал.

Не как послушный слуга. Скорее как старый, гордый зверь, который не верил людям, но всё ещё различал шаг того, кто пришёл не грабить.

— Открыть ставни, — сказала Варвара.

Тибор резко поднял голову.

— Все?

— Все.

— После заката через северные окна тянет холод.

— Сейчас не закат.

Она подошла к длинному столу и провела пальцем по пыльной поверхности. Пыли было столько, что под ней осталась чёткая линия.

— Сколько слуг в доме?

— Семеро.

— В списке девять.

— Двое ушли.

— Когда?

— Один год назад. Одна — три месяца назад.

— Почему в документах не отмечено?

Тибор сжал челюсти.

— Потому что документы давно ведут не здесь.

— С сегодняшнего дня будут вести здесь.

Первые ставни открылись с тяжёлым скрипом. В зал ворвался серый северный свет. Затем второй луч, третий, четвёртый. Пыль в воздухе засияла, и зал вдруг перестал казаться мёртвым. Он выглядел оскорблённым. Как знатная женщина, которую годами держали в чёрной комнате и уверяли, что она утратила право на зеркало.

Варвара обернулась к слугам, собравшимся у дверей.

— Слушайте внимательно. Сегодня никто не будет изображать радость от моего приезда. Я её не требую. Никто не будет клясться в верности, пока не решит, что готов отвечать за слова. Но с этой минуты Дом Последнего Пламени перестаёт притворяться пустым.

Слуги смотрели молча.

Она продолжила:

— Главный зал открыть. Покрывала снять, сложить, пересчитать. Окна проверить. Полы вымыть. Не для красоты — для понимания, что у нас цело, а что нет. До утра мне нужен список всех комнат, которые заперты. Отдельно — кто имеет ключи. Отдельно — какие двери не открывались больше года. Кладовые пересчитать. Конюшни проверить. Двор очистить от мусора. И подготовить мне место для работы.

Тибор спросил:

— Для работы?

— Да. Стол, свечи, чернила, все книги учёта, какие есть в доме.

— Книги учёта в западном кабинете.

— Он открыт?

— Нет.

— Откроем.

— Леди, западный кабинет был кабинетом последнего хозяина.

— Тем более. Последних хозяев здесь больше нет.

Управляющий посмотрел на неё долго. Потом медленно кивнул.

— Агна, Руш, Нир. Вы слышали леди.

Люди задвигались не сразу. Сначала осторожно, будто ожидали, что стены возразят. Потом быстрее. Ставни открывались одна за другой. Ткань снимали с зеркал и кресел. Кто-то кашлянул от пыли, кто-то выругался шёпотом, кто-то уронил подсвечник и испуганно замер, но дом не обрушился, не взвыл, не наказал никого за нарушение девятистолетнего траура.

Варвара стояла посреди зала и впервые за два дня почувствовала почву под ногами.

Не безопасность. До безопасности было далеко.

Но дело.

Дело всегда спасало лучше жалости.

Западный кабинет открыли через час.

Он оказался меньше зала, но гораздо живее. Здесь не было покрывал. Только закрытые шкафы, большой стол, выцветшая карта северных владений на стене и старое кресло с высокой спинкой. На столе стояла каменная чаша для огня, пустая и холодная.

Тибор вошёл за Варварой, держа связку ключей.

— Последний хозяин не любил, когда здесь трогали вещи.

— Он давно не высказывал замечаний?

— Девяносто три года.

— Значит, будем считать, что возражений нет.

Марена тихо фыркнула у двери.

Варвара села за стол. Кресло было слишком большим для неё, но удобным. Подлокотники хранили следы рук прежних владельцев. Не украшение, а рабочее место.

— Книги, — сказала она.

Тибор положил перед ней три тяжёлых тома.

— Это всё?

— Всё, что осталось в открытой части дома.

— А закрытая?

— Архивная башня.

— Почему она закрыта?

— Потому что ключа нет.

— В описи указано, что ключ при управляющем.

— В старой описи.

— А в новой?

— Новых никто не составлял.

Варвара открыла первую книгу. Страницы были заполнены разными почерками. Сначала аккуратными, уверенными, потом всё более редкими. Последние записи обрывались восемь лет назад. Дальше — пустота.

— Кто забрал ключ?

Тибор не ответил сразу.

— Советский ревизор.

— Когда?

— В год последней записи.

— Имя?

— Лорд Эвран Соль.

Варвара записала имя на отдельном листе.

— Он жив?

— Да.

— Где сейчас?

— В Совете. Второй ряд слева от главного кресла. Сегодня он смеялся, когда вы попросили дом.

Перо в руке Варвары замерло.

Вот как.

Она вспомнила мужчину с узким лицом и светлыми волосами, который рассмеялся громче остальных. Теперь смех получил причину.

— Значит, архивная башня его интересовала.

— Не только его, — сказал Тибор.

— Тибор.

— Да, леди?

— Если вы хотите, чтобы я уехала, продолжайте отвечать половиной фразы. Если хотите, чтобы я осталась и навела здесь порядок, начинайте говорить целиком.

Управляющий усмехнулся. Сухо, без веселья.

— Вы говорите как хозяйка.

— Привыкайте.

Он подошёл к окну, посмотрел на двор, где Нир с дворником Севеном уже тащили охапки старой ткани.

— Архивная башня была закрыта после смерти последней хозяйки, леди Элианы. Потом приезжали люди Совета. Забрали часть бумаг, часть печатей, часть родовых списков. После них в доме стало тише.

— Тише?

— Двери перестали открываться. Огонь в чашах больше не держался. Слуги начали уходить. Те, кто оставался, старели быстрее надежды.

Варвара молча записывала.

Она не позволила себе спросить о золотой искре сразу. Сначала — факты. Факты держали разум.

— Кто сейчас приходит в дом без моего разрешения?

Тибор посмотрел на неё с новым уважением.

— Сборщики от Совета. Два раза в год.

— Что собирают?

— То, что называют платой за охрану северных дорог.

— Дороги охраняют?

— Нет.

— Кто ещё?

— Люди соседнего барона. Берут лес с восточного склона.

— По какому праву?

— По своему.

— Это не право.

— Я тоже так считал.

— Почему не остановили?

Тибор повернулся к ней. В его старых глазах не было оправдания. Только усталость.

— Потому что у меня семь слуг, закрытые ворота и дом, который все считают мёртвым.

А у барона тридцать вооружённых людей и уверенность, что за него никто не спросит.

Варвара отложила перо.

— Теперь спросят.

— Вы?

— Я.

— У вас нет тридцати людей.

— Зато у меня есть документы. И, кажется, дом с характером.

В этот момент каменная чаша на столе тихо щёлкнула.

Варвара и Тибор одновременно посмотрели на неё.

На дне чаши на миг вспыхнула крошечная золотая точка — такая же, как в зале Совета.

Вспыхнула и погасла.

Марена у двери перекрестила руки на груди и прошептала:

— Ну вот. Характер подтвердил.

Тибор побледнел, но на этот раз не от страха. Он медленно опустился на одно колено.

Варвара резко встала.

— Что вы делаете?

— Признаю хозяйку.

— Встаньте.

— Леди...

— Тибор, я не собираюсь разговаривать с вами сверху вниз, пока не заслужила этого делом. Встаньте.

Он поднялся не сразу. Но поднялся.

Варвара поняла, что это тоже было важно. Не позволить дому превратить её в новую статую для поклонов. Ей нужны были люди, которые говорят правду, а не соглашаются из страха перед золотой точкой в чаше.

— Продолжим, — сказала она.

Они работали до темноты.

Варвара узнала, что в доме семь действующих каминов, но открыты только два. Что восточная башня считается небезопасной, хотя никто не проверял её десять лет. Что в конюшне осталось четыре лошади, из них две годятся для дальней дороги, а две — только для хозяйства. Что кладовые не пусты, но ведутся без счёта. Что в южной галерее по ночам слышат шаги, поэтому туда не ходят. Что в старой оранжерее разбиты стёкла, но земля внутри почему-то не промерзает даже зимой.

Это было слишком много для одного вечера.

И всё же недостаточно.

Чем больше Варвара узнавала, тем яснее становилось: Дом Последнего Пламени не просто забросили. Его систематически лишали памяти. Бумаги увезли. Обычаи превратили в страх. Слугам внушили, что лучше не открывать, не спрашивать, не трогать, не считать. Каждый закрытый замок был не защитой, а способом удержать дом в покорной темноте.

Варвара слишком хорошо знала этот способ.

Сначала женщине говорят, что ей не стоит волноваться. Потом — что она не понимает. Потом — что так было всегда. Потом она сама начинает обходить закрытые двери, не спрашивая, кто их запер.

Нет.

Не здесь.

К ужину главный зал изменился.

Не стал красивым — ещё нет. Но в нём появился свет. Свечи горели на длинном столе, окна были раскрыты для проветривания, покрывала сложены у стены, пыль частично убрана. Слуги двигались устало, но уже не так бесцветно. Нир даже улыбнулся Марене, когда та велела ему не тащить сразу четыре подсвечника и не изображать героя баллады.

Еда была простой: тёмный хлеб, жареные корнеплоды, горячая похлёбка без изысков, но с честным запахом дыма и лука. Варвара ела вместе со всеми в главном зале, не за отдельным столом.

Это вызвало второе потрясение вечера.

— Леди, хозяйки не садятся со слугами, — тихо сказал Тибор.

— В мёртвом доме, возможно, нет. В живом люди должны видеть, кому служат, и знать, что их замечают.

— Это нарушит порядок.

— Нет. Это создаст новый.

Никто не спорил.

После ужина Варвара поднялась в комнаты, которые ей приготовили. Покои последней хозяйки находились на втором этаже, в северном крыле. Тибор хотел открыть другие, но Варвара выбрала именно эти, как только увидела на двери стёртый знак золотого пламени.

Комната оказалась холодной, просторной и удивительно нетронутой. Большая кровать под тёмным пологом, письменный стол у окна, зеркало в простой серебряной раме, сундук у стены, пустая полка над камином. Марена лично проверила постель, шторы и замки, потом поставила на стол кувшин с водой и свечу.

— Останетесь в соседней комнате? — спросила Варвара.

— Если прикажете.

— Не приказываю. Спрашиваю.

Марена посмотрела на неё странно.

— Тогда останусь. Не из страха. Из любопытства.

— Хороший повод.

Когда горничная ушла, Варвара наконец осталась одна.

Тишина сразу стала громче.

Днём дом был делом: открыть, проверить, записать, распорядиться. Ночью он стал странством. Большим, тёмным, чужим. За стенами шуршал ветер. Где-то далеко скрипнула дверь. В камине горел небольшой огонь, обычный, красноватый, не золотой. Его света хватало, чтобы видеть очертания мебели и собственную тень на полу.

Варвара подошла к окну.

Север лежал за стеклом тёмный и неровный. Внизу двор казался почти пустым, но теперь в нескольких окнах горел свет. Не много. Достаточно, чтобы дом уже не выглядел полностью мёртвым.

Она подняла ладонь.

На коже не осталось и следа от золотой искры, но тепло ещё жило где-то глубже. Варвара не понимала, что с ней происходит. Попаданка в чужом теле. Развод. Драконы. Дом, который отвечает. Совет, который боится. Бывший муж, который вдруг начал смотреть не сквозь неё, а прямо в неё.

Слишком много.

Но если она начнёт думать обо всём сразу, то не выдержит.

Значит, завтра — список дверей.

Завтра — ключи.

Завтра — архивная башня.

Она уже собиралась отойти от окна, когда услышала звук.

Тихий.

Не ветер.

Не скрип дерева.

Шорох за стеной.

Варвара замерла.

Звук повторился. Осторожный, почти невесомый. Как будто кто-то провёл ладонью по внутренней стороне камня.

Она взяла свечу и подошла к стене справа от камина. Камень там был гладкий, тёмный, без дверей и швов. Только узор из тонких серебряных линий, который днём показался ей украшением.

Теперь линии едва заметно светились.

Варвара приблизила свечу.

Свет дрогнул.

За стеной кто-то прошептал:

— Она правда пришла?

Голос был детский.

Варвара не сразу вдохнула.

Детей в списке слуг не было. Тибор говорил о семи слугах. Марена проверила комнаты. Никто не упоминал ребёнка.

За стеной послышался второй шорох, затем первый голос снова — тише, испуганнее:

— Тише. Если она услышит, нас отдадут Совету.

Свеча в руке Варвары горела ровно.

А золотая прожилка в камне вспыхнула тонкой линией, словно дом сам указал ей место, где была скрыта дверь.

Варвара медленно приложила ладонь к стене.

Камень под пальцами оказался тёплым.

Глава 3. Тайные наследники

Камень под ладонью Варвары был тёплым.

Не так, как нагревается стена возле огня. Иначе. Глубже. Будто тепло шло не снаружи, а изнутри самого дома, из его старой памяти, из тёмных ходов, которые никто не отмечал на честных планах и не вписывал в описи.

За стеной снова стало тихо.

Та тишина была слишком живой.

Варвара не отняла руку. Свеча в другой ладони горела ровно, но пламя вытянулось в тонкий золотистый язычок, хотя ещё минуту назад было обычным, красноватым. Серебряные линии на камне под её пальцами дрогнули. Одна вспыхнула ярче, потом вторая, третья, пока узор не сложился в едва заметный знак башни, охваченной пламенем.

Скрытая дверь не открылась.

Дом не собирался выполнять приказ просто потому, что она догадалась.

Он ждал.

Варвара медленно выдохнула и сказала тихо, достаточно громко, чтобы услышали за стеной:

— Я знаю, что вы там.

За камнем что-то шуршало. Кто-то отступил. Кажется, несколько маленьких ног одновременно попытались сделать это бесшумно и только выдали себя ещё сильнее.

— Я не позову Совет, — продолжила Варвара. — И не позову стражу. Но я хозяйка этого дома, а значит, должна знать, кто живёт под моей крышей.

Слова прозвучали спокойнее, чем она чувствовала себя на самом деле.

Внутри всё было натянуто. Дети. Спрятанные дети. Не имя в зачёркнутой строке, не странная недомолвка Тибора, не абстрактные “тайны дома”, а живые голоса за стеной её комнаты. Если бы Варвара не проснулась от шороха, если бы не подошла к камню, если бы дом не показал золотую прожилку, они так и остались бы невидимыми.

Сколько их там?

Кто их прячет?

И главное — от кого?

Ответ она уже слышала.

“Если она услышит, нас отдадут Совету”.

— Мы не должны говорить, — прошептал тот же детский голос.

— Я не требую, чтобы вы говорили, — ответила Варвара. — Тогда слушайте. Меня зовут Варвара. В документах, которые привезли из столицы, этот дом передан мне со всеми дверями, ключами и обязанностями. Но в документах о вас ничего нет. Значит, кто-то очень постарался сделать так, чтобы вас не существовало.

За стеной кто-то едва слышно всхлипнул.

Варвара замерла.

Это был не громкий плач, не каприз, не детская попытка добиться жалости. Маленький, сорвавшийся звук человека, который слишком давно живёт в ожидании, что его найдут не для спасения.

Она осторожно поставила свечу на каминную полку.

— Я не стану ломать дверь, — сказала Варвара. — И не стану угрожать. Но если там холодно, темно или страшно, вы можете открыть сами. Я отойду на три шага.

Она действительно отступила. Один шаг. Второй. Третий.

И только тогда позволила себе позвать:

— Марена.

В соседней комнате сразу зашевелились. Дверь открылась почти без скрипа. Горничная появилась в проёме в тёмной накидке, с собранными волосами и таким лицом, будто не спала вовсе.

— Леди?

Варвара приложила палец к губам и указала на стену.

Марена посмотрела.

Серебряные линии ещё светились.

Лицо горничной изменилось. Не от ужаса. От понимания.

— Позвать Тибора? — тихо спросила она.

Варвара задумалась на долю секунды.

Тибор скрывал многое. Но если дети действительно жили в доме давно, он либо знал, либо старательно не знал. Оба варианта требовали разговора. Но не сейчас, не до того, как Варвара увидит тех, кто прячется за стеной, своими глазами.

— Нет. Пока нет.

Марена кивнула и закрыла дверь, оставшись внутри комнаты. Не подошла ближе, не стала задавать вопросов, только встала так, чтобы между тайной стеной и выходом оказалась она сама. Это было мелочью. И не мелочью вовсе.

За камнем снова послышался шорох.

Потом детский голос спросил:

— Вы правда не отдадите нас Совету?

Варвара не ответила сразу. Это был важный вопрос. Слишком важный, чтобы бросить красивую фразу и потом пожалеть. Она уже понимала: в этом мире обещания могли становиться печатями, а печати — цепями. Нельзя было клясться тем, чего не знаешь. Но нельзя было и молчать, когда ребёнок спрашивает, продадут ли его взрослые очередному залу с высокими креслами.

— Я не отдам никого только потому, что кто-то пришёл с громким титулом, — сказала она. — Сначала я узнаю, кто вы, почему скрыты и кто имеет право решать вашу судьбу. А если окажется, что вас прятали ради чужой выгоды, я стану на вашей стороне.

— А если против вас придёт генерал? — спросил другой голос. Старше. Хриловатый, настороженный.

Каэль.

Даже здесь, за камнем, его имя не нужно было произносить.

Варвара посмотрела на золотые линии.

— Тогда генерал будет разговаривать со мной у ворот.

Молчание стало иным. Не доверчивым, нет. До доверия было далеко. Но в нём появилась трещина.

В стене что-то щёлкнуло.

Сначала Варвара решила, что ей показалось. Потом серебряные линии дрогнули, сложились в узкий прямоугольник, и часть каменной кладки отступила внутрь. Не открылась широко, не распахнулась, как дверь для желанного гостя, а чуть сдвинулась — ровно настолько, чтобы между камнями появилась тёмная щель.

Из неё смотрел ребёнок.

Мальчик лет десяти или одиннадцати. Худой, бледный, с неровно остриженными тёмными волосами. В одной руке он держал маленький деревянный нож — скорее игрушечный, чем настоящий, но направил его так серьёзно, будто защищал крепость. Глаза у него были янтарные, с вертикальным отблеском в зрачке.

Варвара не двинулась.

— Как тебя зовут?

Мальчик сжал нож сильнее.

— Нельзя говорить.

— Кто запретил?

— Все.

Марена тихо выдохнула за спиной Варвары, но промолчала.

— Удобный запрет, — сказала Варвара. — Когда у человека нет имени, за него легче решать.

Мальчик нахмурился. Кажется, он не совсем понял фразу, но почувствовал в ней не угрозу.

— Вы не похожи на прежних.

— На кого?

— На тех, кто приходил смотреть.

Смотреть.

У Варвары внутри похолодело.

— На вас приходили смотреть?

Мальчик сразу пожалел, что сказал лишнее. Он шагнул назад, но из темноты за его плечом появилась тонкая рука и удержала его.

— Уже сказала, значит, поздно, — произнёс тот самый старший голос.

В щели возник второй ребёнок.

Нет. Не совсем ребёнок.

Мальчик лет тринадцати или четырнадцати, высокий для своего возраста, слишком худой, но держался прямо. Волосы — светлые, почти белые в отсвете свечи. Глаза — серебряные.

Варвара невольно задержала на них взгляд.

Не серые, как у Каэля. Не прозрачные, не бледные. Именно серебряные, глубокие, с холодным блеском расплавленного металла. В них было что-то старше его возраста. Не мудрость — вынужденная осторожность.

Мальчик смотрел на Варвару без страха.

Это было заметно сразу. Младшие боялись. Он — оценивал.

— Ты старший? — спросила она.

— Здесь — да.

— Как тебя зовут?

Он помолчал.

— Элиан.

За его спиной кто-то резко зашептал:

— Нельзя!

Элиан не обернулся.

— Если дом её впустил, имя уже не спрячешь.

Варвара уловила в этих словах больше, чем было сказано. Дом. Не Тибор. Не Совет. Не прежние владельцы. Для детей главным судьёй был дом.

— Варвара, — повторила она. — Можно просто Варвара, если титулы мешают.

— Титулы не мешают, — сказал Элиан. — Они предупреждают, кто привык приказывать.

Марена за спиной тихо пробормотала:

— Умный мальчик.

Варвара не улыбнулась, хотя захотелось.

— Тогда моё имя пока достаточно. Вы откроете дверь шире?

Элиан смотрел на неё долго. Потом опустил взгляд к её руке.

— Покажите ладонь.

Марена шагнула вперёд.

— Осторожнее, мальчик.

— Всё в порядке, — остановила её Варвара.

Она подняла правую руку, ту самую, на которой в зале Совета вспыхнула золотая искра. Сейчас кожа была обычной. Ни знака, ни ожога, ни сияния. Только тонкая линия от серебряного шипа, почти незаметная.

Элиан смотрел на неё так, будто видел больше.

— Он ответил вам, — сказал он.

— Дом?

— Последнее Пламя.

— Ты знаешь, что это значит?

— Да.

— Тогда объясни.

Элиан покачал головой.

— Не здесь. Сначала войдите. Если вы останетесь снаружи, стена будет слушать обе стороны. Если войдёте — только вас.

Варвара почти спросила, почему так. Но остановилась. Слишком много вопросов сразу могло закрыть эту едва приоткрытую дверь. Дети жили в страхе. Страх не любит допросов, даже вежливых.

— Марена идёт со мной, — сказала она.

Элиан посмотрел на горничную.

— Она новая.

— Она моя.

Марена тихо кашлянула, но не поправила.

Элиан кивнул, словно эта формулировка была понятнее любых титулов. Затем он отступил. Каменная дверь открылась ещё шире, пропуская Варвару в узкий тёмный проход.

Воздух внутри оказался не затхлым, как она ожидала. Там пахло пылью, сухим деревом, старой тканью и чем-то тёплым — не едой, не очагом, а обжитостью. Варвара взяла свечу. Марена вошла следом, придерживая юбку, и камень за их спинами бесшумно сдвинулся обратно.

Тайный ход погрузился в полумрак.

— Не бойтесь, — сказал младший мальчик с деревянным ножом.

Марена хмыкнула.

— Это ты себе или нам?

Он насупился.

— Всем.

И пошёл впереди.

Проход был узким, но сухим. Стены покрывали такие же серебряные линии, только здесь они не притворялись украшением. Они тянулись по камню, расходились, соединялись, иногда вспыхивали слабым золотом рядом с рукой Варвары. Дом словно показывал путь, но не раскрывал всего.

Через несколько поворотов они вышли в помещение, которое раньше, вероятно, было внутренней галереей между крыльями. Окна находились высоко под потолком и выходили, судя по направлению ветра, во двор-колодец, невидимый с главного входа. Света почти не было, но несколько чаш на стенах горели мягким янтарным огнём.

И там были дети.

Варвара остановилась.

Их оказалось не двое и не трое.

Девять.

Самой младшей девочке было, наверное, лет пять. Она сидела на старом ковре, прижимая к себе тряпичную куклу с вышитым лицом. Рядом с ней — две девочки постарше, похожие друг

на друга только острыми подбородками и одинаковым недоверием в глазах. У дальней стены стояли трое мальчиков разного возраста. Один совсем маленький, с рыжими вихрами. Второй — тот самый с деревянным ножом. Третий — подросток с тёмной кожей и белой прядью у виска. Ещё двое сидели у низкого стола, на котором лежали пергаменты, деревянные фигурки и куски ткани с вышитыми знаками.

Все смотрели на Варвару.

Не как на спасительницу.

Как на новый риск.

Это было честнее и страшнее.

Варвара прошла только до середины комнаты и остановилась, чтобы не загонять их к стене своим приближением. Марена осталась чуть позади, но её взгляд быстро обежал помещение: ковры, лежанки, запасы свечей, сундуки, книги, кувшины. Горничная видела хозяйственное, Варвара — человеческое.

Дети жили здесь не один день. И не один месяц.

— Кто о вас знает? — спросила Варвара.

Элиан встал между ней и младшими.

— Те, кто должен.

— Это не ответ.

— Это безопасность.

— Безопасность не бывает построена на том, что ребёнок боится назвать своё имя.

Младшая девочка вдруг спрятала лицо в куклу.

Элиан заметил, и его взгляд стал жёстче.

— Вы говорите как взрослые перед тем, как решить за нас.

Варвара приняла удар спокойно. Он имел право не верить.

— Тогда не буду решать. Буду спрашивать. Сколько вас?

— Вы видите.

— Я вижу девятерых. Это все?

Дети переглянулись.

Ответ был в этой паузе.

— Не все, — сказал Элиан.

Марена едва заметно напряглась.

Варвара не торопилась.

— Где остальные?

— В других местах.

— В доме?

— Не все.

— Кто их распределил?

Элиан сжал губы.

— Последняя хранительница.

— Это кто?

— Агна, — неожиданно сказал младший с деревянным ножом. — Только она не любит, когда её так называют.

Ключница.

Варвара запомнила. Агна сегодня почти не говорила, только молча снимала покрывала, открывала ставни и избегала смотреть хозяйке в глаза. Не из неприязни. Теперь Варвара поняла — из страха, что взгляд выдаст то, что пряталось за стенами.

— Агна знает, — сказала Варвара.

— Агна нас не предаст, — резко ответил Элиан.

— Я не сказала, что предаст.

— Все так сначала говорят.

Варвара посмотрела на него. Серебряные глаза. Холодная осанка. Привычка вставать первым. Небольшой шрам у брови, слишком старый для такой юной кожи. И голос — не детский в тех местах, где детям не позволили оставаться детьми.

— Элиан, — сказала она мягче. — Я сегодня приехала в дом, где мне сказали, что здесь семь слуг и нет ни одного ребёнка. Потом я услышала за стеной, что меня боятся не потому, что я плохая, а потому что могу отдать вас Совету. Мне нужно понять, кому вы мешаете и кому нужны. Иначе я не смогу защитить вас даже от собственной ошибки.

Он не ответил сразу.

Одна из девочек у стола вдруг подняла руку, будто на уроке.

— А если вы не захотите защищать?

Марена нахмурилась, но Варвара остановила её взглядом.

— Тогда я должна буду хотя бы не мешать тем, кто уже это делает.

— Взрослые всегда мешают, — сказала девочка.

— Часто, — согласилась Варвара. — Не всегда.

— Вы тоже взрослая.

— К сожалению, да.

Мальчик с ножом вдруг фыркнул.

Напряжение в комнате стало меньше на одну тонкую нитку.

Элиан повернулся к девочке:

— Мира, молчи.

— Сам молчи, — огрызнулась она. — Ты первый имя сказал.

— Я имел право.

— Потому что серебряные глаза?

Он резко замолчал.

Варвара уловила главное.

Серебряные глаза были не просто особенностью. Знаком. Возможно, опасным.

— Мира, — повторила Варвара. — Спасибо.

Девочка смутилась и уткнулась в пергамент.

— За что?

— За имя.

Элиан смотрел на Варвару настороженно, но уже не так глухо.

— Вы правда не знаете, кто мы?

— Нет.

— Тибор не сказал?

— Нет.

— Агна тоже?

— Я не спрашивала. Пока.

— А генерал?

Вот снова.

Каэль стоял между ними, даже находясь далеко.

— Генерал не знает, что я вас нашла.

Элиан внимательно следил за её лицом.

— Но узнает.

— Возможно.

— И что вы сделаете?

— Сначала решу, имеет ли он право знать.

В комнате стало очень тихо.

Один из младших мальчиков прошептал:

— Разве генералу можно отказать?

Варвара вспомнила зал Совета. Высокую фигуру Каэля. Его голос: “Это не просьба”. Собственный ответ: “Тогда тем более нет”. Вспомнила, как он отступил. Не потому, что стал слабым. Потому что документ, подписанный при свидетелях, лишил его прежнего права.

— Можно, — сказала Варвара. — Если стоять на своей земле.

Эти слова будто прошли по комнате невидимой волной. Дети смотрели на неё уже иначе. Не верили ещё. Но впервые примеряли возможность, что взрослому с титулом можно ответить “нет” и остаться стоять.

Элиан опустил руки.

— Мы наследники старых драконьих родов, — сказал он. — Не все прямые. Не все признанные. Некоторые — последние в своих линиях. Наши имена вычеркнули из родословных или спрятали до нужного времени. Дом Последнего Пламени держал такие имена до Совета. До того, как архивную башню закрыли.

Варвара почувствовала, как куски прежних странностей становятся на место.

Зачёркнутая строка. Украденные родовые списки. Закрытая архивная башня. Страх Совета. Смех лорда Эврава Соля. Девяносто три года траурных покрывал.

— Для чего вас прячут?

Элиан усмехнулся. Горько. Совсем не по-детски.

— Для будущего суда. Для брачных договоров. Для замены неудобных наследников. Для доказательств, если какой-нибудь род перестанет слушаться. Для угроз. Для торга. Для всего, кроме жизни.

Младшая девочка тихо всхлипнула в куклу.

Мира, та самая девочка у стола, резко сказала:

— Нейла, не плачь. Она же сказала, не отдаст.

— Она ещё не сказала, — поправил Элиан.

Варвара посмотрела на всех девятерых.

Сказать было легко. Сказать красиво — ещё легче. Но после слов придут люди. С печатями, правами, приказами. Возможно, Каэль. Возможно, Совет. Возможно, те, кто годами пользовался этим тайным крылом как складом живых доказательств.

Если она сейчас пообещает и не удержит, это будет хуже предательства. Это будет повторение того же мира, только её голосом.

Поэтому Варвара подошла к низкому столу, медленно, чтобы никто не шарахнулся, и села на край ближайшей скамьи. Не выше детей. Не напротив, как судья. Рядом.

— Я не знаю всех законов этого мира, — сказала она. — Не знаю всех ваших родов. Не знаю, сколько у Совета власти и сколько у меня способов ей помешать. Если бы я сказала, что легко вас защищу, я бы солгала.

Элиан внимательно смотрел на неё.

— Но я знаю другое, — продолжила Варвара. — Этот дом передан мне со всеми дверями, ключами и обязанностями. Если вы живёте здесь, вы не мусор в тайной комнате, не товар для чужого торга и не ошибка в родословной. Пока я хозяйка Дома Последнего Пламени, никто не войдёт сюда и не заберёт вас без моего согласия. Ни Совет. Ни соседний барон. Ни бывший муж. Ни генерал драконов. Никто.

На последних словах золотые линии на стенах вспыхнули.

Не ярко, но достаточно, чтобы все увидели.

Младшие дети вскочили. Мира прижала ладони ко рту. Мальчик с деревянным ножом выронил своё оружие. Даже Элиан изменился в лице — не испугался, но словно услышал ответ, которого ждал и боялся.

Дом принял слова.

А значит, они стали больше чем обещанием.

Варвара поняла это слишком поздно.

Тепло обвило её запястье тонким кольцом, невидимым, но ощутимым. Не больно. Не страшно. Скорее как напоминание: сказала — держи.

Марена рядом тихо произнесла:

— Ну вот. Теперь и поспать не получится.

Варвара чуть не рассмеялась.

Именно эта сухая фраза, сказанная посреди тайной комнаты с наследниками драконьих родов, вернула ей дыхание.

— Тогда начнём с простого, — сказала она. — Вы все едите в этом крыле?

Мира моргнула.

— Что?

— Еду вам кто приносит?

Дети снова переглянулись. Вопрос оказался неожиданно сложным для их легендарной тайны.

— Агна, — сказал мальчик с белой прядью. — Иногда Руш. Но он думает, что нас меньше.

— Руш думает? — переспросила Марена.

— Руш делает вид, что думает, — буркнула Мира. — Он не дурак.

— Хорошо. Где вы спите?

Элиан насторожился.

— Зачем?

— Затем, что завтра я внесу вас в домовую опись.

В комнате будто разом исчез воздух.

— Нет, — резко сказал Элиан.

— Не в ту, что уйдёт Совету, — уточнила Варвара. — В мою. Закрытую. У хозяйки должны быть сведения о тех, за кого она отвечает. Имена можно пока заменить знаками, если вы боитесь. Но я должна знать возраст, род, кто с кем связан, кто старший, кто младший, кто умеет читать, кто знает ходы, кто может помогать по дому и кто чего боится.

— Боится? — эхом повторила Нейла.

— Это тоже важно.

Девочка смотрела на неё широко раскрытыми глазами.

— Взрослые не спрашивают.

— Значит, начну плохую традицию.

На этот раз улыбнулась уже Мира. Быстро, криво, но по-настоящему.

Элиан всё ещё не доверял.

— А если вашу опись найдут?

— Тогда я сделаю две. Одну — обычную, скучную и бесполезную. Для тех, кто любит печати больше правды. Вторую — настоящую. И спрячу там, где дом позволит.

Серебряные линии на стене коротко мигнули.

Мальчик с ножом прошептал:

— Он ей отвечает.

— Я вижу, Дорн, — сказал Элиан.

Дорн. Ещё одно имя.

Варвара запоминала каждое.

— Сегодня вы останетесь здесь, — сказала она. — Я не стану выводить вас в общий зал ночью и пугать слуг больше, чем дом уже их напугал. Но утром я поговорю с Тибором и Агной. При вас или без вас — как решите.

— При мне, — сразу сказал Элиан.

— Хорошо.

- И при Мире.
- Мира вскинула подбородок.
- Я сама решу.
- Ты пойдёшь, — сказал Элиан.
- Я не твоя младшая.
- Зато ты говоришь лишнее.
- Зато ты думаешь, что один умный.

Варвара слушала их перепалку и вдруг почувствовала странный укол. Не боли, не жалости. Жизни. Они спорили. Значит, не были окончательно сломлены страхом. Дом, Агна, Тибор или кто-то ещё сохранили не только их тайну, но и эту возможность — огрызаться, спорить, иметь характер.

- Это было ценнее послушания.
- Элиан, Мира, — сказала Варвара.
- Оба замолчали.
- Завтра мне нужны будут не ссоры, а правда. Вся. Даже неудобная.
- Правда редко бывает удобной, — сказал Элиан.
- Знаю.
- Он вдруг посмотрел на её брошь — серебряный лист с золотой жилкой.
- Вам дали знак Эштеров.
- Мадам Лиора.
- Значит, она тоже ждала.
- Ты знаешь мадам Лиору?
- Нет. Но Агна говорила, что одна женщина в столице помнит правильные имена.

Правильные имена.

Варвара поняла: эта нить тянется дальше, чем она думала. Мадам Лиора не просто дала брошь. Она, возможно, годы наблюдала, ждала, надеялась, что Вара когда-нибудь станет той, кому дом сможет ответить. Или Варвара случайно заняла место в чужом долгом плане.

Неприятная мысль.

Потом.

Не сейчас.

- Почему ты назвал меня настоящей хозяйкой? — спросила она.

Элиан не удивился вопросу. Видимо, ждал.

— Потому что дом открыл вам путь к нам. Прежним владельцам он показывал только пустые комнаты. Советским людям — тупики. Генералу Рейнару...

Он замолчал.

Варвара сразу заметила.

- Каэль был здесь?

Мира резко посмотрела на Элиана.

Дорн поднял деревянный нож с пола, будто это могло остановить вопрос.

Элиан медленно кивнул.

- Один раз. Два года назад.

Варвара почувствовала, как внутри что-то сжалось.

- Он видел вас?

— Нет.

- Ты уверен?

— Да. Дом не пустил его в это крыло.

Варвара молчала.

Почему Каэль приезжал? Что искал? Почему не сказал жене, что связан с этим домом не только пустыми документами? Хотя чего она ожидала? Прежней Варе в этом браке не говорили ничего. Её держали за тихой стеной светских приличий, как этих детей — за каменной.

— Зачем он приезжал?

— Спрашивал Тибора об архивной башне. Был зол. Потом ушёл к северному двору. Дом гасил перед ним огни.

Марена тихо сказала:

— Вот почему он предупреждал.

Варвара посмотрела на неё.

— Что?

— Во дворце. Он сказал, что дом опасен. Может, сам однажды получил от него по гордости.

Это было слишком похоже на правду.

И всё равно не оправдывало его.

— Каэль не знает о вас, — сказала Варвара. — По крайней мере, если верить твоим словам.

— Не знает, — подтвердил Элиан. — Но Совет может сказать ему, что мы здесь. Если им станет выгодно.

— Или если они поймут, что я вас нашла.

Золотые линии на стенах погасли почти полностью.

Комната стала темнее.

Это было не просто совпадение.

Варвара встала.

— Мне нужно поговорить с Тибором.

Дети напряглись.

— Сейчас? — спросила Нейла.

— Сейчас я скажу ему только то, что необходимо. Не ваши имена. Не всё. Но если в доме есть скрытое крыло, хозяйка не должна узнавать о нём последней.

— Агну тоже, — сказал Элиан.

— Агну тоже.

— Я пойду с вами.

— Нет.

Он выпрямился.

— Вы обещали завтра при мне.

— Завтра — да. Сейчас ночь. Я не поведу тебя по дому, где не знаю всех дверей, пока не пойму, кто ещё может ходить без спроса.

Элиан хотел возразить, но вдруг в дальней стене тихо звякнуло что-то металлическое.

Все дети замерли.

Варвара обернулась.

— Что это?

Элиан побледнел.

— Северный звонок.

— Что он означает?

— Кто-то у ворот.

Марена сразу подошла ближе.

— Ночью?

Мира подскочила к одному из узких окон, но оно было слишком высоко. Дорн бросился к деревянной лестнице у стены и полез наверх так быстро, будто делал это сотни раз. Через несколько секунд он прижался к тёмному стеклу.

— Фонари, — прошептал он. — Трое всадников. Нет, четверо. Один со знаком Рейнаров. Варвара почувствовала, как лицо стало неподвижным.

Слишком быстро.

Каэль не мог знать о детях. Не должен был. Но Совет мог отправить весть раньше. Или документы, которые она получила, содержали невидимый повод для слежки. Или кто-то из дома уже успел дать сигнал.

Она посмотрела на Элиана.

Он смотрел на неё.

Вот оно. Первый настоящий выбор. Не завтра, не после спокойной описи, не когда она разберётся с законами и тайными ходами. Сейчас.

Дом будто тоже ждал.

— Вы останетесь здесь, — сказала Варвара.

— Если это за нами... — начал Элиан.

— Значит, они не получают вас сегодня.

— Вы не знаете, кто приехал.

— Тем более сначала узнаю я.

Марена уже взяла свечу.

— Я с вами.

— Да.

Варвара направилась к каменной двери, но Элиан вдруг шагнул вперёд.

— Леди Варвара.

Она остановилась. Впервые он произнёс её имя с титулом — не как признание власти, а как передачу ответственности.

— Что?

Мальчик медленно приложил два пальца к знаку башни на стене.

— Настоящая хозяйка не спрашивает дом, можно ли защищать своих. Она просто закрывает двери перед чужими.

Камень открылся.

Варвара вышла первой.

Её комната встретила прежней тишиной, но теперь она уже знала: эта тишина была населена. Марена закрыла тайную дверь, и серебряные линии снова стали обычным узором на камне.

В коридоре послышались быстрые шаги. Кто-то стучал в соседние двери. Внизу, далеко под ними, загремели засовы.

Тибор появился у поворота в длинном ночном халате, с фонарём в руке и лицом человека, который увидел именно то, чего боялся.

Он остановился, заметив Варвару у стены.

Его взгляд скользнул к серебряному узору.

Потом — к её лицу.

Он понял.

— Леди, — сказал он хрипло.

— Потом, Тибор.

— Вы не должны были...

— Потом.

Слово прозвучало так, что он замолчал.

Снизу донёсся голос дворника Севена:

— Управляющий! У ворот посланник!

Тибор закрыл глаза на долю секунды.

— От кого?

Севен ответил не сразу.

И эта пауза уже всё сказала.

Варвара сама пошла к лестнице.

Ночной дом был другим. Днём он казался проснувшимся, вечером — настороженным, а сейчас стал крепостью, которая задержала дыхание. В чашах на стенах вспыхивали слабые золотистые точки, когда Варвара проходила мимо. Не для света. Для предупреждения.

Внизу, в холле, собрались слуги. Агна стояла у двери, бледная, с туго сжатыми губами. Руш держал тяжёлую кочергу, будто это была дворцовая алебарда. Нир выглядывал из-за колонны, стараясь казаться невидимым.

Варвара остановилась у главного входа.

— Открыть не ворота. Только смотровое окно.

Тибор посмотрел на неё с новым, мрачным уважением.

— Как прикажете.

Они вышли во двор не все. Только Варвара, Тибор и Марена. У ворот горели четыре фонаря. За решёткой стояли всадники в тёмных плащах. На груди одного действительно серебрился знак Рейнаров — крыло дракона поверх северного меча.

Посланник был молод, но держался слишком уверенно для простого слуги. Светловолосый, с острым подбородком, в дорожных перчатках, на которых не было ни пылинки. Он не слез с коня, пока Варвара не остановилась по эту сторону ворот.

Ошибка.

Она отметила её сразу.

Тот, кто приезжает ночью к хозяйке дома и не спешивается, либо не знает приличий, либо намеренно показывает, что не признаёт её власть.

— Леди Вара Эштер? — спросил он.

— Хозяйка Дома Последнего Пламени, — поправила Варвара.

Он неприятно улыбнулся.

— Разумеется. Я прибыл по срочному распоряжению лорда Каэля Рейнара.

Тибор едва заметно напрягся рядом.

Марена молчала, но Варвара чувствовала, как она смотрит на посланника: сухо, внимательно, с явным желанием запомнить каждую складку его лица.

— Говорите, — сказала Варвара.

Посланник достал из внутреннего кармана свёрнутый пергамент с серебряной печатью.

— Лорд Рейнар требует немедленно передать под охрану столицы всех лиц, скрываемых в Доме Последнего Пламени без регистрации в родовых книгах. Приказ касается прежде всего несовершеннолетних наследников драконьих родов, незаконно удерживаемых в закрытых крыльях поместья.

За воротами ветер рванул плащи всадников.

Во дворе стало так тихо, что Варвара услышала, как где-то в глубине дома слабо звякнула золотая линия скрытой двери.

Тибор побледнел.

Значит, тайна больше не была тайной.

Посланник поднял пергамент выше.

— Откройте ворота, леди. Генерал приказал не медлить.

Варвара посмотрела на серебряную печать.

Потом на посланника.

Потом на чёрные ворота, которые теперь принадлежали ей.

— Передайте лорду Рейнару, — сказала она спокойно, — что Дом Последнего Пламени ночью чужим приказам не открывается.

Посланник перестал улыбаться.

— Леди, вы не поняли. Это требование генерала.

— А вы не поняли, — ответила Варвара. — Здесь больше нет его жены, которой можно приказывать через посыльных.

В глубине двора, под каменными плитами, тихо проснулось золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.